

Тем, кто знает, что не все тюрьмы осязаемы

Глава 1

— Нита, знакомься, это Фабрисю.
Белоснежные, будто больничные, стены центра приема беженцев МПДСС светились в лучах флуоресцентных ламп, и Нита на мгновение засомневалась, не галлюцинация ли у нее. Все же обстоятельства, которые привели ее в Международную полицию по делам сверхъестественных существ, скорее походили на ночной кошмар: тут тебе и похищение, и пытки, и как грандиозный финал — сожжение заживо всех врагов Ниты.

Всех, кроме одного.

И вот он перед ней. На несколько сантиметров выше, со слегка взъерошенными темно-каштановыми волосами, обрамляющими бледное лицо. Его огромные серо-голубые глаза впивались в нее с потрясением, которое, как она знала, отражалось и в ее собственном взгляде.

Фабрисю.

Парень, которого она спасла.

Парень, который ее предал.

Который поблагодарил Ниту за то, что она помогла ему бежать, взял деньги и билет на автобус, предложенные ею. Затем отвернулся и воспользовался телефоном, который также получил от нее, чтобы продать Ниту на черный рынок. Тот, кто бросил ее, зная, что ее похитят, разрежут и продадут по частям.

Ярость бурлила в венах Ниты, сжигая тело изнутри. Челюсти сжимались все сильнее, пока она усилием воли не заставила себя расслабиться, чтобы не сломать зубы.

— Нита.

Агент Куиспе, представитель МПДСС, которая вела ее дело, шагнула вперед. Контур коротко остриженных волос резко выделялся в ярком свете. Ее испанский был тягучим и спокойным, с узнаваемыми нотками — они напомнили Ните время, проведенное в Перу.

— Ты в порядке?

Нита моргнула и заставила себя кивнуть.

— Конечно. Простите, я, должно быть, на минуту отключилась. Так о чем вы говорили?

Куиспе слегка нахмурилась и прищурилась — видимо, в попытке разобрать испанский Ниты. Отец Ниты был чилийцем, но до шести лет она жила в Мадриде; часто люди не сразу могли разобраться в хитросплетении ее акцентов.

— Я говорила о том, что ты кажешься мне очень скрытной. И, поскольку мы только что приняли беженца твоего возраста, я подумала, вы двое, возможно, захотите познакомиться.

Куиспе махнула Фабрисио, приглашая подойти. Тот нахмурился, но складка тут же исчезла с его лба, а на лице появилась неуверенная улыбка.

Нита пристально взглянула на него. Какого черта он лыбится?

А затем догадалась — он же не знает, что она выяснила, кто именно продал ее на черный рынок. Фабрисио по-прежнему исполнял роль напуганной жертвы.

Нита шагнула вперед, сжав кулаки. В этот момент больше всего на свете она желала разбить его голову об пол. И сожалела, что не расчленила, когда он лежал при смерти, после того как ее мать поймала его.

Нита глубоко вздохнула. Она находилась в самом сердце МПДСС — в штаб-квартире в Боготе. Рядом с ней стояла агент. Не лучшее время для убийства.

И неважно, как сильно ей этого хотелось.

Нита сглотнула и заставила себя нацепить на лицо соответствующее моменту выражение. Сейчас ей следовало сохранять спокойствие и не подавать виду, что они встречались раньше. Оставалась надежда, что Фабрисио не выдал ее.

Если в МПДСС узнают, как они познакомились, то установят и связь Ниты с ее кровожадной матерью, и преступления самой Ниты всплывут на поверхность. Невозможно расти с родителями, погрязшими в бизнесе по расчленению сверхъестественных существ с последующей продажей их тел по частям, и не совершить парочки тяжких правонарушений.

Нита не смогла заставить себя протянуть Фабрисио руку. Сдавленным голосом она сказала:

— Приятно познакомиться.

Он моргнул и на мгновение заколебался, а затем мягко улыбнулся, его голос прозвучал нежно и тихо:

— Мне тоже.

Взгляд Куиспе метнулся между ними, будто она почувствовала напряжение.

— Фабрисио пробудет здесь некоторое время. Я подумала, вам найдется о чем поговорить, поскольку вы оба побывали на черном рынке.

Нита практически слышала ее невысказанное сравнение. Они оба лишились некоторых частей тела. Части обоих были проданы и съедены.

Нита пошевелила ногой, пытаясь не думать о зияющей пустоте на том месте, где когда-то находился мизинец, и старательно отводила взгляд от отсутствовавшего уха Фабрисио. Это было несложно — свидетельство преступления ее матери скрывали волосы.

Нита обернулась к Куиспе.

— Да, хорошая идея. Спасибо вам. Я бы хотела познакомиться поближе со своим новым товарищем.

Нита сглотнула, когда слова сорвались с ее губ. Неестественные. Притворные. И почему ей не удастся справиться получше с подобными вещами?

Но, даже если Куиспе и заметила, с каким трудом дается Ните общение, комментарий не последовало.

— Конечно.

Развернувшись, агент оставила их наедине. После ее ухода воцарилась давящая тишина. Фабрисио открыл и закрыл рот, будто хотел что-то сказать, но передумал. Нита поджала губы и огляделась.

Ей не нравилось находиться в здании МПДСС. Полиция по делам сверхъестественных была средством достижения цели, и она им не доверяла. Предполагалось, что они не только преследуют, но и защищают «существ». Сказать по правде, Нита считала, что называть людей, подобных ей, «существами» так же оскорбительно, как и «сверхъестественными». Скорее всего, подобная терминология восходит к корням МПДСС — временам, когда они охотились на монстров. Прежде чем начали отстаивать права «существ» и защищать их.

Нита обратилась в МПДСС именно в поисках защиты, но знала, что коррупция проникла в самое сердце органи-

зации. Ниту нервировало постоянное видеонаблюдение в здании, ведь разговор, который она собиралась сейчас начать, был не для чужих ушей. Не для ушей МПДСС или тех, кому МПДСС могли сливать информацию.

— Снаружи есть сад, — заявила Нита. — Поговорим там.

Фабрисо медленно кивнул и последовал за ней.

Они миновали офисное помещение. Безупречно белые стены и белоснежный кафельный пол будто заключали их в клетку, как в футуристической тюрьме. По залам здания-убежища бродили и другие беглецы из сверхъестественных. Одних Нита, встретив случайно на улице, приняла бы за обычных людей.

Иные же выглядели наполовину осьминогами, например. Глаза Ниты изучали мужчину, расположившегося в холле. Он выглядел уставшим. Взгляд скользнул по восьми пурпурным щупальцам, которые заменяли ему ноги. Нинге. Японская русалка. Нита была готова побиться об заклад, что не ошиблась.

Люди болтали, что, съев плоть этого существа, можно обрести бессмертие.

Люди болтали то же самое и о поедании Ниты.

Она попыталась отвлечься от этих мыслей. От воспоминаний о Боулдере, который отрезал ей мизинец, засунул его себе в рот и проглотил не разжевывая. От его обещаний вернуться на следующий день, чтобы поедать Ниту по частям, пока от нее не останутся только кости и зубы.

«Этого не случилось. Ты спаслась. Он мертв. Все кончено», — прошептал тихий голос в ее голове.

Но она не чувствовала, что все действительно закончилось. Не сейчас, когда ей приходилось прятаться в МПДСС. Когда Фабрисо шел рядом с ней. Когда

изображение ее лица и описание способностей кочевали по форумам черного рынка. Люди готовы были отвалить большие деньги за девушку, умеющую так управлять собственным телом. Они думали, будто обретут такую же силу, съев ее. Что ж, может, так и есть.

Нита не собиралась это проверять.

Ее рука дернулась к несуществующему скальпелю. Она отдала бы все на свете, чтобы прямо сейчас оказаться в своей прозекторской, чтобы ее проблемы растворились в простом и понятном мире расчленения. Когда она разделяла тела на части, окружающее сжималось до органов в ее руках и в банках на столе.

Но любимый образ портило воспоминание о Фабрисиио, заключенном в клетку и кричавшем, нарушая атмосферу идеального уединения в комнате.

Когда они свернули за угол, Нита наклонила голову, чтобы украдкой взглянуть на Фабрисиио сбоку, но его волосы хорошо укрывали бинты от чужих глаз. Ей с трудом верилось, что минуло меньше двух недель с момента, когда она впервые увидела его в той клетке.

Он перехватил ее пристальный взгляд и вздрогнул. Затем отвернулся, а рука в защитном жесте взметнулась к тому месту, где раньше было ухо. Он сглотнул и опустил руку.

— Уже лучше, — ответил он на молчаливый вопрос, пока они продолжали идти. Его акцент сглаживал окончания слов, протяжные звуки перетекали в шипящие. — Завтра снимаю швы.

Нита не ответила.

Она жалела, что мать не убила его. Ей хотелось бы разобрать его на части. Тогда этого всего не случилось бы. Нита не лишилась бы мизинца; пусть она и воспользовалась своей способностью, чтобы срastить кожу там,

где он когда-то был, его отсутствие все равно ощущалось. Будто нервные окончания не совсем понимали, что теперь все по-другому, и продолжали посылать сигналы, ожидая ответной реакции от пальца.

Кроме того, ей не пришлось бы провести всю прошлую неделю на черном рынке, наблюдая, как умирают люди. Не пришлось бы самой убивать их.

Она отлично помнила момент, когда прочитала переписку в телефоне похитителя и поняла, что продать ее на черный рынок мог только Фабрисо. Момент откровенного удивления, за которым последовал прилив ярости, жгучей и злобной.

И сейчас в ней снова закипал гнев; он расходился равномерным заревом из глубин живота по всему телу. Если она даст ему волю, то получит большие проблемы. Нита не была уверена, что ей есть до этого дело. Хотелось не сдерживать гнев вне зависимости от последствий.

«Будь разумной, Нита. Ты не можешь убить его, когда вокруг столько камер».

Нита ненавидела, когда внутренний голос оказывался прав.

На первом этаже, недалеко от задней части здания, мощные металлические двери вели в небольшой сад. Он был окружен высокой кирпичной стеной, поросшей виноградом и плющом, на скамейках под деревьями сидело несколько человек. Солнце палило беспощадно, по спине Ниты бежала струйка пота.

Она провела Фабрисо в укромную часть сада, к древовидному дурману. Цветы в форме колокольчиков свисали с его ветвей, будто фонарики, к которым забыли подать электричество, красивые и нежные. Но вместе с тем растение являлось одним из самых ядовитых в мире. Нита сорвала цветок и покрутила в руках. Смертельно опасный.

Яд спрятан в настолько красивой оболочке, что никто и не догадается, пока не станет слишком поздно.

Наконец Нита повернулась к Фабрисио. Он неловко поежился под ее взглядом. На нем были синие джинсы и светло-серая футболка — близнец футболки Ниты, выданной в МПДСС.

— Я рад, что ты решилась бежать, — наконец сказал он.

Нита открыла рот, намереваясь ответить ему, что он отлично знает — далеко убежать ей не удалось. Но притормозила. Она могла обвинить его в чем угодно, но он стал бы отрицать вину, только и всего. Да даже если бы признался, какой смысл ставить его в известность о том, что она знает о предательстве? Нельзя убить его сейчас, на глазах стольких свидетелей, а если он поймет, что она его раскрыла, то будет nastoroже.

И будет прав. Ведь Нита ни в коем случае не позволит ему уйти от возмездия за то, как он обошелся с ней.

Поэтому вместо обвинений она тихо сказала, притворившись, будто верит его неведению:

— Я не сбежала. Меня продали на черный рынок.

Он поморщился и изобразил на лице сочувствие.

— Мне очень жаль. Я знаю, как это ужасно.

Он провел рукой по волосам, обнажая следы стежков, сползавших книзу по одной стороне его головы. Нита отвернулась и попыталась отогнать воспоминания о том, как мать истязала его, а она, Нита, стояла и смотрела. И ничего не делала.

Может быть, он продал ее именно поэтому. Потому что она не предпринимала ничего — до самого последнего момента.

— Твоя мать? — мягко спросил он. — В наказание за помощь мне?

Он казался таким искренним в своем беспокойстве, и Нита почувствовала, что в душу закрадываются сомнения. Мог ли кто-то еще отправить эти сообщения? Но она затем вспомнила, как легко он вертел ею до этого, смотрел на нее огромными глазами, манипулировал, заставив поверить в его абсолютную невиновность, чтобы получить свободу. Нита прищурилась. Больше она не позволит ему обвести себя вокруг пальца.

— Нет.

Его руки замерли и опустились.

— Прости. Я не хотел беречь рану, если она слишком свежа.

Фабрисо ласково улыбнулся ей, и Ните захотелось стереть эту улыбку с его лица. Маленький вонючий манипулятор.

Он поколебался, а потом спросил:

— Твой похититель... Она не причинила тебе вреда, правда же?

— Ну, она работала с занни, так что попробуй угадать.

Его лицо посерело.

— Занни?

Занни питались болью людей, и это делало их искусными мучителями. Нита видела, как воображение Фабрисо заполняется всеми теми ужасными вещами, которые творили занни, все пробелы в рассказе о времени, проведенном Нитой на черном рынке.

— Да, — голос Ниты звучал холодно. — Иногда, закрывая глаза, я все еще слышу крики.

Фабрисо вздрогнул как от удара. Его глаза широко распахнулись, а на лице промелькнуло нечто — возможно, чувство вины или сожаления. Но, что бы то ни было, оно исчезло в мгновение ока.

Нита предусмотрительно не упомянула о том, что в конечном итоге союзником в ее побеге стал именно занни. Она хотела, чтобы Фабрисио чувствовал себя максимально дерьмово из-за своего поступка. К тому же не очень понимала, с какой стороны ее характеризует факт дружбы с таким монстром, как Ковит. Скорее всего, не с лучшей.

— Боже, мне так жаль, — прошептал Фабрисио. Выражение ужаса на его лице казалось искренним, и если бы у Ниты не было улики, она приняла бы его слова за чистую монету. — Не могу поверить, что она связалась с занни.

Нита открыла было рот, чтобы сделать еще одно едкое замечание, но слова застряли в глотке. Фабрисио снова сказал «она», упоминая ее похитителя.

Нита не говорила, что ее похитителем была женщина.

Девушка мысленно воспроизвела всю их беседу, чтобы убедиться: она не использовала никаких прилагательных в женском роде, местоимений или любых других указаний на пол, говоря по-испански. Ничего.

Еще одно доказательство. Словно специально для нее. У нее уже была переписка между ним и ее похитительницей, Рейес, где обсуждались условия сделки. Но какая-то маленькая часть внутри сомневалась, не украл ли кто-нибудь его телефон, или, может быть, его конфисковал коррумпированный агент МПДСС, или... все что угодно.

Нита раздавила цветок в руке. Последние сомнения развеялись.

— Разговаривая тут, мы должны быть осторожны, — произнес Фабрисио, провожая взглядом проходящего мимо агента. Он пробежался глазами по огороженному стеной саду, отмечая каждую камеру наблюдения и каждого агента МПДСС. — У тебя могут возникнуть проблемы, если они узнают, кто твоя мать.

Ах вот как. Завуалированная угроза. Напоминание о том, что он точно знает, кто она, и при желании мог бы лишить ее заветного билета на самолет домой из МПДСС.

Что ж, в эту игру можно играть и вдвоем.

— Да. — Нита ослабила хватку и растерла между пальцев лепестки цветка. — При упоминании твоего отца мы также должны соблюдать осторожность.

Фабрисию напрягся, его тело онемело, глаза широко распахнулись. Будто плохо смазанная марионетка, он дернул головой в ее направлении и прошептал:

— Прости?

— Твой отец. — Нита склонила голову набок, играя пальцами с лепестками. — Я слышала, он очень важная шишка. Всех монстров знает.

Фабрисию сглотнул и осторожно спросил.

— Где ты услышала о моем отце?

— Конечно же, на черном рынке, куда меня продали. — Нита говорила ровным тоном человека, обсуждающего погоду. — Говорят, он рулит одной из крупнейших юридических фирм в мире. Она специализируется на подставных компаниях, уклонении от налогов и других примочках для богачей. Особенно для богачей с черного рынка.

Он сжал кулаки.

— И? Кому, как не тебе, следует знать, что нельзя судить детей по родителям?

Нита вздрогнула, будто от пощечины, и отвела взгляд в сторону.

— Скажи мне, Нита. Если судить детей по грехам их родителей, то кто окажется в большей беде? — в голосе Фабрисию звучало напряжение. — Я, чей отец помогает сэкономить деньги монстрам? Или ты, чья мать похищает невинных людей, убивает их, расчленяет и продает?

— Я не моя мать. — Впрочем, после событий на черном рынке Нита больше не была в этом уверена. Она убила множество людей, чтобы сбежать. Как виновных, так и невинных. — Я помогла тебе.

— Да, помогла. — Его плечи поникли. — А я не мой отец.

Нет, ты гораздо хуже.

Нита ничего не ответила, она просто посмотрела на цветок. Фабрисио походил на него. Красивый и добрый снаружи — и ядовитый внутри.

Фабрисио сжал челюсти, взгляд его сделался злым.

— Поэтому ты так холодно держишься со мной? Думаешь, я очередной жадный до денег кретин, как мой отец?

Она пожала плечами, пытаясь казаться безразличной.

— Не знаю. Я не знаю, каков ты.

— Я не такой. Я совсем не похож на него, — горькие нотки послышались в его голосе. — И не хочу превратиться в него. Не хочу иметь ничего общего ни с ним, ни с его бизнесом. Я получал от него только боль.

— И деньги. Говорят, люди твоего положения неплохо живут.

— Я бы предпочел остаться при своем ухе.

Нита приподняла бровь.

— Какое отношение твое ухо имеет к твоему отцу?

— Ты же не думаешь, что твоя мать похитила ребенка одного из самых влиятельных людей на черном рынке, намереваясь просто продать его по частям?

У Ниты подвело живот.

— Что?

Губы Фабрисио сжались в тонкую линию.

— Она отправляла меня по частям моему же отцу — каждый раз, когда он отказывался удовлетворить ее требования.

Нита сглотнула. Конечно, Фабрисио мог лгать. Но сказанное звучало разумно в некотором роде. Зачем ее матери понадобилось похищать ребенка такой известной личности? Только ради того, чтобы заработать пару баксов через интернет? Нет. Вот шантаж был больше в стиле ее матери.

— Ты вообще из сверхъестественных?

Он вздохнул.

— Я в точности являюсь тем, кем она меня назвала. На моих частях тела вполне можно сделать неплохие деньги.

Нита медленно кивнула.

— Но?

— Но... — он отвернулся. — Но я больше боюсь того, кто я по своей сути, нежели того, кто я по своей природе. Нет смысла только ради продажи частей моего тела идти на то, через что пришлось пройти твоей матери, организовывая мое похищение. А вот шантаж моего отца дает безграничные возможности.

У Ниты от волнения скрутило все внутренности. Она не раз мечтала иметь власть и силу, чтобы защитить себя — и чтобы реальность Фабрисио стала и ее реальностью. Ведь она была нужна всем из-за того, кем являлась. Но чтобы всю оставшуюся жизнь не озирааться по сторонам, она желала заставить всех бояться ее, бояться того, кем она была на самом деле.

Теперь она задалась вопросом, такая ли уж это хорошая идея.

— Зачем?

Он моргнул.

— Что «зачем»?

— Зачем моей матери шантажировать твоего отца? Я имею в виду, если дело касалось только денег, то можно было найти цель попроще.